

В полумраке комнаты объятия Чжоу Цзыфэя превратились в тёплый, надёжный кокон, баюкающий усталость Шэнь Цзя и утишающий невысказанную боль.

Этот кокон стал внезапным убежищем — оплотом прочным и безопасным, где Шэнь Цзя чувствовал себя путником, который после долгих скитаний по снежному бурану наконец добрался до домашнего очага.

Но имел ли он право на всё это? Принадлежало ли ему по праву это безоговорочное, ничем не омрачённое тепло?

Шэнь Цзя не смел верить.

Даже когда в глубине души пробивался робкий росток надежды, его тут же глушил многолетний, въевшийся в плоть и кровь страх.

И всё же кольцо рук Чжоу Цзыфэя оставалось реальным.

Даже после того как Шэнь Цзя потерял контроль над собой, проявил всю свою беспомощность, непрезентабельность и надлом, эти руки не ослабили хватки ни на миг.

Молчал ли он, отталкивал ли, плакал — эти объятия неизменно встречали его, распахиваясь навстречу.

Шэнь Цзя думал: будь он сам на месте Цзыфэя, едва ли смог бы вытерпеть такого несносного, капризного человека. Человека, который с каждой слезой кричит внутри отчаянное: «Не бросай меня!», но вслух выталкивает только одно: «Уходи!».

Порой Шэнь Цзя презирал сам себя.

— Малыш, разреши мне остаться, — прошептал Чжоу Цзыфэй, наклонившись к его уху. — Позволь побыть с тобой ещё немного.

Но разве кто-то на свете способен отвергнуть возлюбленного, который отказывается уходить?

Шэнь Цзя закусил губу. Вздрагивали веки, дрожали брови — он из последних сил сдерживал подступающий к горлу ком. Ему до смерти не хотелось снова плакать, особенно сейчас, когда нежность Чжоу Цзыфэя делала его собственную слабость почти невыносимой.

Однако слёзы, точно реки, нашедшие путь к морю, неудержимо хлынули из глаз.

— Зачем я тебе такой... — вырвался сквозь судорожный всхлип тихий, надрывный шёпот. — Что

во мне хорошего, чтобы так держаться за меня?..

Цзыфэй с привычной, введшейся в движения лаской поднял руку. Подушечкой большого пальца он смахнул влагу у уголка его глаза, а затем тёплой ладонью оттер мокрые дорожки со щеки.

— Учитель Шэнь, вы сами взрастили того маленького, испуганного мальчика внутри себя, вырастили его таким замечательным — и одно это уже настоящий подвиг.

В его голосе звучала едва уловимая улыбка. Поглаживая бок Шэнь Цзя, он медленно сместил ладонь выше, к худому плечу, и нежно сжал его.

— Вы заболели, но не сдались: продолжаете лечиться, вовремя принимаете лекарства и, как бы трудно ни было, стараетесь быть послушным пациентом. Это не просто хорошо, это невероятно ценно.

Цзыфэй бережно обнял лицо Шэнь Цзя ладонями и чуть повернул к себе. Тот поначалу слегка воспротивился, но, когда Цзыфэй мягко сжал его щеку, покорился и повернул голову.

— Вы сильный. Вы очень храбрый. И ещё... вы удивительно великодушный, — тихо перечислял Цзыфэй, словно перебирал драгоценности в заветной шкатулке. — Вы даже простили мне то, как я тайком перехватывал ваши сообщения и отвечал на звонки...

Улыбнувшись, он подался вперёд и прижался своим лбом к лбу Шэнь Цзя — будто два зверька, греющие друг друга в стужу.

— У вас тысячи достоинств, Учитель Шэнь. Но даже все они вместе взятые — ничто по сравнению с единственной причиной: я просто люблю вас.

Шэнь Цзя поднял взгляд и в мягком, тёплом свете ночника встретил бесконечно ласковый взор Чжоу Цзыфэя.

Этот человек всегда так поступал — произносил слова любви с торжественностью клятвы.

«Я люблю тебя»... Неужели эти три слова можно произносить так легко?

«Чжоу Цзыфэй, ты хоть понимаешь их вес? Ведь это обещание пройти вместе весь путь до самой старости, делить каждую радость и каждую беду до последнего вздоха. Тебе ведь всего двадцать два. Ты моложе меня на целых десять лет... Как ты смеешь бросаться такими словами?»

И всё же его сердце, не слушая разума, сладостно и больно затрепетало, словно провалившись

в мягкое, невесомое облако.

Шэнь Цзя не помнил, как уснул. В памяти осталось только то, как Цзыфэй прижал его к себе и ритмично, убаюкивающе поглаживал по спине, шепча на ухо тихие, успокаивающие слова. Вскоре Шэнь Цзя погрузился в глубокий, безпробудный сон.

Ему снился дождь: унылый гул ветра и холодные капли на щеках. Но к утру непогода отступила. Когда солнечный луч коснулся его век, заставляя зажмуриться, за окном уже сияло яркое ясное солнце.

Дожди, шедшие несколько дней подряд, наконец закончились.

— Проснулся?

Голос Чжоу Цзыфэя раздался совсем рядом. Шэнь Цзя обернулся; до него донёсся едва уловимый свежий запах мятной пасты. Цзыфэй уже умылся и теперь сидел на краю кровати, откинувшись на подушки, и с улыбкой наблюдал за ним.

Шэнь Цзя опешил. Он замер, уставившись на Цзыфэя, и долго не мог прийти в себя.

Это утро было так похоже на сотни прошлых обычных утренников.

Каждый раз, открывая глаза, Шэнь Цзя первым делом встречал этот внимательный, долгий взгляд Цзыфэя, затем получал нежный поцелуй в лоб, поглаживание по спине и ласковые уговоры подняться с постели.

— Что, сонный котёнок ещё не проснулся?

Заметив его растерянный вид, Цзыфэй тихо усмехнулся. Ероша растрёпанные после сна волосы Шэнь Цзя, он встал коленями на матрас, подался вперёд и выудил его из вороха одеял.

— Просыпайся, сокровище, пора вставать...

Оказавшись на коленях у Цзыфэя, Шэнь Цзя ощутил, как тот мягко потирал его щёки, и окончательно очнулся от сна.

— Я... я сам умоюсь... — тихо пробормотал он, чувствуя себя ребёнком, которого усадили на руки, и рефлекторно обнял Цзыфэя за шею.

— Хорошо, малыш умоемся сам. Умница.

Цзыфэй опустил его на ноги, обнял пальцами мягкие щёки и крепко поцеловал в лоб — настолько ощутимо, что на белоснежной коже остался розоватый след.

— М-м...

Шэнь Цзя коснулся вспыхнувшего лба. Хотя он и пообещал умыться самостоятельно, пальцы всё ещё судорожно сжимали край домашней футболки Цзыфэя.

— Держи, сокровище, я уже выдавил пасту. Пойти приготовить тебе завтрак?

Цзыфэй протянул ему зубную щётку и подал стакан с водой.

Шэнь Цзя ничего не ответил. Блуждающим взглядом он уставился в сторону: одной рукой чистил зубы, а другой продолжал цепляться за одежду Цзыфэя.

Цзыфэй опустил взгляд на эти судорожно сжатые пальчики. В груди потеплело, будто пушистый кошачий хвост обвил его сердце и не желал отпускать.

Шэнь Цзя не хотел, чтобы он уходил. Даже во время чистки зубов ему нужно было его присутствие.

Какая прелесть.

Взгляд Цзыфэя задержался на капельке пены у губ Шэнь Цзя, на его покрасневших кончиках ушей. В эту секунду тысяча признаний и нежных слов готовы были сорваться с губ, но он лишь молча смотрел, как тот чистит зубы, и его глаза лучились безграничной лаской.

— Ну-ка, открой ротик пошире, муж проверит, хорошо ли ты почистил.

Когда Шэнь Цзя ополоснул рот и выпрямился, Цзыфэй сам взял полотенце и бережно вытер ему губы. Приобняв его за талию, он повернул Шэнь Цзя к себе.

Шэнь Цзя сжал пальцами бока Цзыфэя, тихо выдохнул «а-а» и продемонстрировал безупречно чистые зубки.

Цзыфэй с удовлетворением кивнул и похвалил:

— Замечательно! Очень чисто. Зубки белые, красивые-красивые.

И язычок такой розовенький, влажный... Но поддразнивать его сейчас Цзыфэй не рискнул, боясь разрушить эту хрупкую и тёплую атмосферу.

— А можно... поцеловать?.. — помешкав, Шэнь Цзя подался ближе и спросил с застенчивой тревогой.

Вчера вечером они не целовались. А ведь прежде перед сном поцелуй был обязательным ритуалом.

Цзыфэй на мгновение замер, вглядываясь в его лицо, а затем уголки его губ поползли вверх:

— Конечно можно, о чём речь.

Шэнь Цзя медленно приподнял подбородок, чуть приоткрыв губы. Свежий аромат мяты в перемешку с его собственным, естественным сладковатым дыханием заставил сердце Цзыфэя дрогнуть.

Ладонь Цзыфэя скользнула с поясицы Шэнь Цзя к его затылку, пальцы утонули в шелковистых волосах. Вторая рука прижала его за талию вплотную к себе.

В мгновение, когда их дыхания сплелись, Цзыфэй вдруг замер. Не касаясь его губ, уже алеющих от предвкушения, он прошептал прямо в них:

— Сокровище... тебе помягче или пожёстче?

Голос его звучал хрипло и нежно. Ничего ещё не произошло, но Шэнь Цзя весь натянулся, как струна, а дыхание сбилось.

Шэнь Цзя судорожно сжал воротник его футболки и в звенящей тишине, где стучали только их сердца, резко приподнялся на цыпочках и прильнул к его губам.

Поцелуй казался Шэнь Цзя самым интимным и умиротворяющим действием на свете — куда более желанным, чем любая другая близость.

Переплетение языков, обмен дыханием и влагой... Чем дольше и глубже становился поцелуй, тем сильнее ощущалась эта жаркая, пьянящая жажда.

Они были похожи на двух змей, черпающих жизнь друг в друге. Вся страсть, нежность и тоска выплёскивались через это сплетение. А может, дело было не только в этом...

Влажная ванная комната точно превратилась в душные тропические джунгли, где они

сбросили человеческую кожу и обратились в диких созданий, слившихся в брачном танце.

Животные сплетаются так крепко лишь ради одного: израсходовать все силы в единственный сезон размножения, чтобы дать начало новой жизни.

От этой мысли Шэнь Цзя вздрогнул. Ладонь невольно опустилась на его собственный плоский живот. В дурмане ласк Цзыфэя в его голове вспыхнула дикая, абсурдная мысль: «Какой была бы эта новая жизнь, несущая в себе их общую кровь?»

«Оставить бы Чжоу Цзыфэю хоть что-то... Если мне суждено уйти первым, оставить ему частичку себя, продолжение, которое не даст ему забыть меня...»

«Пусть ребёнок будет похож и на меня, и на него. А лучше — только на Цзыфэя: здоровый, добрый, красивый. Такого человека любили бы абсолютно все...»

Почувствовав, что Шэнь Цзя отвлёкся, Цзыфэй медленно ослабил натиск. Между их губами протянулась тонкая нить слюны и с тихим щелчком порвалась.

— Что с тобой?..

Горячее дыхание Цзыфэя обжигало зардевшуюся щёку Шэнь Цзя, но тот всё ещё стоял с приоткрытым ртом, не в силах прийти в себя. Влажные, подёрнутые дымкой глаза всё ещё были устремлены куда-то в глубину этой несбыточной фантазии.

— Муж... давай родим—

Слова оборвались на полуслове. Ощутимое, бескомпромиссное мужское проявление близости, упирающееся в него, мгновенно разрушило хрустальный замок его иллюзий.

— М-м? Что ты сказал?.. — Цзыфэй ласково сжал его загривок и припал губами к влажному уголку глаза.

Шэнь Цзя накрыла запоздалая, горькая волна досады и обиды на самого себя. Он крепче обнял Цзыфэя за шею и уткнулся лицом в его тёплую ключицу, молча качнув головой: «Ничего».

Цзыфэй не стал спрашивать. Он лишь бережно поглаживал его по длинным волосам.

— Не грусти, малыш. Я всегда буду рядом с тобой.

В последующие дни Шэнь Цзя действительно стало лучше.

Возможно, дело было в ясной погоде, давшей отдушину его угнетённому состоянию. Цзыфэй то и дело выводил его прогуляться: они ходили то в парк, то на птичий рынок. Казалось, они обошли каждый уголок этого города. Однажды они даже остановились через дорогу от детского сада, где раньше работал Шэнь Цзя.

Однако Шэнь Цзя катастрофически боялся показаться кому-либо на глаза в своём нынешнем виде. Кроме Цзыфэя и доктора Шэнь, он никого не хотел видеть.

Поэтому они просто стояли вдалеке и наблюдали, как стайка малышей, держась за руки, выходит к воротам и разбирается родителями. Лишь когда охранник задвинул массивную решётку, Шэнь Цзя тихо попросил вернуться домой.

— Устал? Больше не погуляем? — Цзыфэй сжал его ладонь. Сухие осенние листья шуршали под их ногами.

— Угу, — Шэнь Цзя слегка качнул их сплетёнными пальцами. На нём был молочно-белый пуховик и светло-синие джинсы, а волосы перед выходом Цзыфэй аккуратно собрал в хвостик и спрятал под пушистую шапку. В свете загорающихся фонарей его бледный профиль казался фарфоровым и хрупким.

— За ужином я съем лишнюю пиалу риса, — невпопад добавил Шэнь Цзя.

Цзыфэй искренне удивился:

— Ого! С чего вдруг такое рвение?

Шэнь Цзя остановился, поднял на него глаза и абсолютно серьёзно произнёс:

— Я хочу поскорее поправиться.

Услышав это, Цзыфэй сжал его руку сильнее, поднял их сплетённые кисти и прикоснулся губами к гладкой коже на тыльной стороне его ладони.

— Конечно. Ты обязательно поправишься, малыш.

Они шли к дому сквозь прохладный осенний вечер. Их ладони оставались тёплыми, а две тени — длинная и чуть пониже — тянулись по асфальту, тесно сливаясь друг с другом.

Мечтая о скорейшем выздоровлении и возвращении в детский сад, Шэнь Цзя за ужином вдруг осознал кое-что важное: он уже очень давно не видел, чтобы Цзыфэй ходил на работу.

Тот больше не ездил на гоночные треки, а новости о соревнованиях словно испарились. В какой-то момент Цзыфэй просто перешёл на круглосуточный режим пребывания рядом с ним.

— Ты... тебе в последнее время не нужно на работу? — спросил Шэнь Цзя, ковыряя палочками рис в пиале.

Рука Цзыфэя, подносявшая кусочек мяса к его тарелке, на миг замерла. Он как ни в чём не бывало ответил:

— Сокровище, мне ведь тоже положен отпуск.

— Отпуск длится больше месяца? — Шэнь Цзя опустил палочки и пристально посмотрел на него.

Цзыфэй понял, что замять тему не удастся. Если Шэнь Цзя смотрел так — значит, увилить бесполезно, нужен прямой ответ.

— Я решил немного отдохнуть и... снялся с соревнований.

Шэнь Цзя под столом судорожно сжал пальцы в кулаки.

Опять. Снова то же самое...

Он вечно приносит окружающим проблемы. Вечно заставляет Цзыфэя расплачиваться за его болячки.

Ногти до боли въелись в ладони. Шэнь Цзя изо всех сил попытался сохранить ровный тон:

— Со следующей недели возвращайся к тренировкам. Я смогу побыть дома один, со мной ничего не случится.

Цзыфэй молчал. А затем тихо произнёс:

— Я ушёл из клуба.

— Что... ты имеешь в виду?

— Малыш, я хочу сменить сферу деятельности. Мне надоела эта профессия, и я просто уволился. Но—

Не успел он договорить, как Шэнь Цзя резко поднялся из-за стола. Нахлынувшая тошнотворная глухота и головокружение заставили его качнуться.

Схватившись за край стола, он лишь спустя долгое время смог вытолкнуть из себя звук:

— Чжоу Цзыфэй... Почему ты всегда принимаешь решения единолично?!

— Малыш, ты... — Цзыфэй вскочил следом. Видя, как Шэнь Цзя едва держится на ногах, он шагнул вперёд, чтобы поддержать его.

— Ты можешь вернуться назад?! — Шэнь Цзя вцепился в его рукав.

Цзыфэй попытался успокоить его, придав голосу небрежность:

— Не волнуйся, даже если я уволился, у меня хватит средств обеспечить нас обоих. Это всего лишь работа гонщика, невелика потеря...

— Да не хочу я, чтобы ты вечно ломал свою жизнь ради меня! — выкрикнул Шэнь Цзя, отталкивая его руки. Из глаз его разом брызнули слёзы.

— Я не ломаю, сокровище, послушай меня...

— Уходи. Пожалуйста, Чжоу Цзыфэй, уходи. Мы просто не способны понять друг друга.

Шэнь Цзя отвернулся и больно ужалил себя ногтями за предплечье, пытаясь остановить бьющую тело крупную дрожь.

Он с жуткой, отчаянной отчётливостью понимал: сейчас он смертельно бледный, разбитый и жалкий. Похож на полуживого утопленника.

— Малыш, я вижу, что тебе сейчас плохо и ты хочешь побыть один, — Цзыфэй глубоко вдохнул, изо всех сил сохраняя хладнокровие. — Я выйду, хорошо? Посижу снаружи. Как только захочешь, чтобы я вернулся — только позови.

Шэнь Цзя смахнул со стола фарфоровую пиалу.

Звонкий разлив осколков по полу. Шэнь Цзя разомкнул искусанные губы и проронил ледяным, надломленным голосом:

— Уходи. Хватит этой лжи.

Цзыфэй не сдвинулся с места. Напротив, он сделал шаг вперёд и сжал ледяную ладонь Шэнь Цзя в своей.

Шэнь Цзя в ужасе выдернул руку. Его охватила паника: приступ возвращался.

Нужно немедленно, решительно выставить Цзыфэя прочь.

— Чжоу Цзыфэй, не оставайся здесь! Уходи! Я прошу тебя, уходи по-хорошему!

Он не мог смотреть Цзыфэю в глаза. Не смел предстать перед ним таким изродованным, изувеченным болезнью.

Даже зная, что Цзыфэй любит его и не станет презирать — он всё равно не смел.

Самое драгоценное в мире — это способность любить. Но если у тебя нет мужества любить, то перед чужой любовью ты бессилен.

Но откуда взять это мужество?

Не бояться боли, не бояться предательства, не бояться того, что всё закончится ничем... А ведь Шэнь Цзя прошёл через все эти три круга ада.

Его предавали самые близкие. Его растаптывал тот, кого он считал единственной любовью: десятилетние отношения рухнули в один миг, точно хрустальный замок, рассыпавшийся в пыль.

Дело было даже не в страхе. Все эти годы страданий переродились в глубокую, вьевшуюся в кости ущербность. Перед пылкой, чистой и искренней любовью Цзыфэя Шэнь Цзя всегда чувствовал себя существом низшего сорта.

Наконец Шэнь Цзя обернулся и с окончательным надрывом выкрикнул:

— Почему ты не уходишь?! Что ты вообще пытаешься найти во мне — в этом никчёмном, сломанном куске дерьма?! Уходи!

В глазах Цзыфэя что-то задрожало. Он не ответил.

В наступившей душной тишине Цзыфэй медленно опустился на корточки. Он стал молча собирать с пола осколки. Шэнь Цзя, тяжело и прерывисто дыша, смотрел, как тот сгребает

фарфор и выбрасывает в мусорное ведро.

Закончив, Цзыфэй поднялся. Его взгляд был незыблем и чист.

В нём что-то окончательно оформилось. Он принял решение.

— Хорошо. Я отвечу тебе, чего я ищу.

— Много лет назад, в проливной дождь, когда я сам уже готов был сдаться, один незнакомый человек, не думая о себе, бросился мне на помощь. Вот кого я ищу в тебе.

— Шэнь Цзя, я не появился из ниоткуда. Я просто вернулся к тебе.

Шэнь Цзя замер. Встревоженные ресницы задрожали, а голос вырвался из самой глубины гортани, сиплый и едва слышный:

— Что?..

За окном бушевал ветер, раскачивая рамы. Из светлой комнаты мир снаружи казался погружённым во тьму: над высотками сгустились свинцовые тучи, а в их чреве уже зарождался слепящий грозовой шквал.

Точь-в-точь как в тот день много лет назад.

— Что этот пацан даже не дёргается?

— Мы точно того сцапали? Это рожа из семейства Чжоу?

Кто-то грубо схватил пятнадцатилетнего Чжоу Цзыфэя за волосы на затылке, запрокинув его голову. Сквозь длинную чёлку он разглядел двоих мужчин в масках.

— Эй! Тебя чё, Чжоу Цзыфэй зовут?!

Один из них со всей дури влепил ему пощёчину. Чжоу Цзыфэй даже не пикнул, только откинул голову в сторону. Худощавая, бледная щёчка моментально налилась багровым отёком, а из уголка губы потекла струйка крови.

— Сука, ты оглох?! Отвечай, ты Чжоу Цзыфэй или нет?!

Мужчина потянулся к пояснице и вытащил складной нож. Он уже занёс лезвие над шеей подростка, когда где-то вдалеке грохнул оглушительный раскат грома. Фиолетовая молния полоснула по небу, заставив похитителя от неожиданности выронить оружие.

Чжоу Цзыфэй не упустил шанс: он рухнул на асфальт, сгрёб нож и попытался рвануть прочь. Но не успел сделать и пары шагов, как тяжёлая туша сбила его с ног и прижала к дороге.

— Держи его!

Асфальт ободрал щёку до крови. Запах железа смешался с ужасом, накрывшим подростка с головой.

В отчаянии он понимал: никто не придёт на помощь. Родители за границей, старшая сестра Чжоу Цзыхуань учится в другом городе и никогда не звонит первой.

Одежда на спине треснула под лезвием, вспыхнула дикая боль. Ругань похитителей смешалась с тяжёлыми каплями дождя.

Ему переломают руки и ноги? Или зарежут и бросят гнить в камышах?

Случится ли чудо на этой глухой дороге? Найдёт ли его кто-нибудь?

«Кто-нибудь... спасите меня! Пренебрегу всем, сделаю что угодно — только спасите! Я не хочу умирать!»

Вж-ж-ж—

Из глубины ливня донёсся слабый, надрывный рокот мотора. А затем — ругань бандитов:

— Эй! Ты куда прёшь?!

— Тормози! Тормози, урод, а-а-а!

Тяжесть, давившая на спину, исчезла. Цзыфэй кое-как опёрся на дрожащие руки, пытаясь встать, но снова повалился в грязь.

— Парень, ты цел?!

Тревожный, чистый голос раздался над самой головой. Дождь, молотивший по телу, вдруг перестал — его заслонили. Цзыфэй поднял глаза.

На незнакомце была застиранная, пожелтевшая футболка с отпечатками пальцев в яркой алой краске прямо на груди.

Это был очень худой молодой человек: острые, ровные ключицы, изящный кадык, узкий подбородок.

У Цзыфэя перехватило дыхание. Он разглядел его лицо.

Мягкий изгиб тонких бровей, глаза с естественным приподнятым уголком, изящная переносица и нежно-розовые, тонкие губы. А посреди нижней губы — заметная ложбинка, придающая ей форму лепестка персика.

Какое невероятно нежное лицо.

Лишь одного взгляда хватило, чтобы у Цзыфэя защипало в глазах. Слезы хлынули из глаз, а всё тело отозвалось запоздалой, жгучей болью.

— Я вызвал полицию! Держись, они вот-вот будут!

У парня были тонкие, белые пальцы. Он прижал их к окровавленной спине Цзыфэя. От него пахло дешёвым стиральным порошком и бензином.

Рана, только что пылавшая огнём, вдруг зачесалась. Подушечки его пальцев... были такими мягкими.

Он почти не давил, скорее бережно гладил, заставляя Цзыфэя — несмотря на холод дождя и потерю крови — почувствовать, как кончики его ушей заливают жар.

— Ты...

Цзыфэй с трудом поднял руку, пытаясь схватить его за рукав, узнать имя.

— Не бойся, я с тобой. Всё будет хорошо.

Поднятая рука была судорожно перехвачена.

Сердце Цзыфэя бешено заколотилось. Впервые в жизни кто-то держал его за руку так — переплетя пальцы, прижавшись ладонью к ладони.

Тогда Цзыфэй решил, что сошёл с ума.

В смертельно опасную минуту, перед лицом неизвестного парня, чьего имени, возраста и судьбы он не знал, он вдруг ощутил смущение и трепет. Ему захотелось, чтобы полиция ехала как можно дольше — лишь бы продлить это мгновение.

Эффект моста? Возможно.

Но теряя сознание, Цзыфэй неотрывно смотрел в эти глаза и чувствовал: они — единственный якорь, удерживающий его в этом мире.

Полиция и врачи прибыли быстро. Двух нападавших отбросило прямо в придорожную клумбу, где они скулили от боли. Цзыфэя обступили со всех сторон: кто-то кутал его в полотенце, кто-то останавливал кровь, кто-то спрашивал о самочувствии.

Но Цзыфэй сквозь щели в толпе искал только одну фигуру.

Наконец он увидел его. Парень в белой футболке поднял с земли старенький чёрный мотоцикл. На боку виднелась надпись «Автомастерская», но первые иероглифы облупились, и разобрать их было невозможно.

— Погоди—! — крикнул Цзыфэй, пытаясь задерживать спасителя.

Но людей вокруг было слишком много, а дождь стеной застилал обзор. Незнакомец не колебался ни секунды: он сел на мотоцикл, завёл двигатель и растворился в ливне. Лишь шлейф сизого дыма остался позади, да тающий силуэт, исчезающий вдали вопреки отчаянным зовам Цзыфэя.

После этого он искал Шэнь Цзя два долгих года.

Он бросил учёбу, оборвал социальные связи. С того самого дня его жизнь вращалась вокруг одного-единственного человека. Весь его мир сузился до того самого нежного лица из дождливого дня.

— Цзыфэй, умоляю тебя как сестра, не будь таким упрямым! Человека можно искать постепенно, зачем ты рушишь свою жизнь?! — плакала, обнимая его, Чжоу Цзыхуань.

После того случая отношения Цзыфэя с семьёй наладились. Но никто из близких не подозревал, что за внешней нормальностью скрывается фанатичная, пугающая одержимость.

Искать человека, не зная даже имени, перерывая многомиллионный город...

— Сестра, я должен найти его. Иначе знаешь, о чём я думаю каждый день? — голос Цзыфэя звучал с пугающим спокойствием. — Я думаю о том, почему он такой худой. Может, о нём некому позаботиться? Я думаю про тот старый мотоцикл с сизым дымом — вдруг он развалился прямо на перекрёстке?

Голос его сорвался на хрип:

— Я думал об этом каждый день. Он спас мне жизнь. Я не могу допустить, чтобы мы просто потеряли друг друга.

Поиски длились два года.

Пока в один совершенно обычный день, прогуливаясь по улице, он не увидел в витрине старого фотоателье свадебную фотографию.

На ней были Шэнь Цзя и Юй Сянхан.

Чжоу Цзыфэй долго стоял среди людского потока, не сводя глаз со снимка.

Шэнь Цзя улыбался так сладко, уголки его глаз изогнулись, а руки нежно обнимали плечо другого мужчины.

Оказывается, у него всё было хорошо.

Семья, партнёр, человек, готовый заботиться о нём и любить его всем сердцем...

С того дня жизнь Чжоу Цзыфэя вернулась в привычное русло.

Вот только в ночных грёзах лицо мужчины на свадебном снимке рядом с Шэнь Цзя всегда менялось на его собственное.

Наступит ли когда-нибудь этот день?

Женившиеся могут развестись. А даже если нет — случаются ведь несчастья? Бывают же вдовцы?..

Но проникнув тайком на свадьбу Шэнь Цзя и увидав, как тот лучится счастьем, Цзыфэй похоронил эти тёмные мысли глубоко внутри.

Он сделал тайный снимок Шэнь Цзя в белом смокинге и подумал: «Ладно. Лишь бы он был счастлив».

— Учитель Шэнь, простите... Я и вправду опоздал, — с покрасневшими глазами Цзыфэй шагнул к Шэнь Цзя. Он взял его ослабевшую руку и поднёс к губам, припав к ней дрожащим поцелуем. — Но моя любовь к вам не опоздала. С нашей первой встречи прошло ровно семь лет.

В пятнадцать лет Шэнь Цзя на дымящем мотоцикле спас его.

А первая любовь Цзыфэя родилась посреди ливня, вслед уезжающему тонкому силуэту.

С тех пор Шэнь Цзя приходил к нему в каждом юношеском сне. Каждая услышанная песня про любовь напоминала о нём. Все мечты о браке, семье и будущем были связаны только с Шэнь Цзя.

О событии, давным-давно канувшем в прошлое, сам Шэнь Цзя уже успел забыть.

Но Чжоу Цзыфэй помнил каждую секунду. Помнил достаточно долго, чтобы сегодня предстать перед ним в качестве полноценного возлюбленного.

<http://bllate.org/book/19971/1986051>